

Дорогие читатели! Надеюсь, что Вы получите при прочтении этой, совсем не научной, но чрезвычайно интересной книги профессора Ю.В.Шубика такое же удовольствие, как и я. Думаю, Вам тоже станет понятно, почему его так любят больные и ценят коллеги.

*Президент Всероссийского научного общества аритмологов,
член-корр. РАМН, профессор Амиран Шотаевич Ревишвили.*

Стремление "алгеброй гармонию развязать", приписываемое Пушкиным талантливому, кстати, композитору Сальери, по-другому, нежели у Пушкина, прозвучало из уст очень крупного математика: "Истинная алгебра - и есть гармония".

Александр Володин сказал, что можно все написать о фиалке, но слова обретут смысл только при взгляде и запахе, иначе все слова, слова, слова. Профессор Шубик, собрав лучшие описания сердечных страданий человека, названных аритмиями, попробовал зайти с обратного конца: алгебру развязать гармонией, то есть описания симптоматики болезни развязать художественными образами, построить обычную профессорскую лекцию не просто на примере страдающих аритмиями замечательных художников, но использовать их талант и образное мышление для диагностики, а возможно и для спасения обычных пациентов от этой беды.

В силу того, что сам профессор Шубик обладает хорошей литературной речью и вкусом, все это сплелось - и цитаты, и рассуждения врача - во что-то единое, и представляет собой странное, но очень интересное художественное произведение, жанр которого я определить не могу, потому что с подобным не встречался.

Кинорежиссер Алексей Юрьевич Герман.

Сердце очень хрупкая вещь: оно бьется.

Цаль Меламед.

Думаю, не только мне запомнился один из небольших эпизодов замечательного детского фильма, снятого по мотивам книги В.Ю.Драгунского "Денискины рассказы".

Учитель географии (актриса Л.Ахеджакова) обсуждает с учениками строки поэмы "Полтава" А.С.Пушкина:

*"Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо, звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы..."*

Как настоящий педагог, фанатично преданный своему предмету, она стара-

ется извлечь из этого стихотворения максимум "географической" информации:

"...Что эта короткая фраза может сказать проникательному уму пытливого учёного? Очень, очень многое! Оказывается, в то время, когда жесточайшие тайфуны обрушиваются на многострадальные побережья юго-восточной и прочих Азий, в то время как суровые антарктические бураны своим ледяным дыханием свирепствуют на просторах Патагонии, в то время как вся центральная Европа буквально тонет, в это время года на Украине стоит тихая, устойчивая погода. И лишь едва заметное дуновение ветерка..."

По-моему, очаровательный шарж на увлеченного учителя. Ведь и правда, специалист подобен флюсу. Его естественное желание - распространить сферу профессиональных интересов на всю окружающую действительность.

Медиков это касается в ничуть не меньшей степени, чем географов. Во всяком случае, мне известны весьма серьезные научные труды, в которых самым тщательным образом препарируется текст различных литературных произведений (от Библии и Талмуда до романов Толстого и Тургенева), после чего делаются выводы о заболеваниях тех или иных исторических или литературных персонажей. Так, например, некоторые исследователи делают вывод о том, что лермонтовский Печорин страдал болезнью Жильбера (доброкаче-

ственной билирубинемией), а Понтий Пилат М.А.Булгакова - гемикранией. Недавно я с ужасом узнал, что в абсолютно научной статье журнала Ассоциации канадских медиков тщательно проанализирована моя любимая сказка Алана Александра Милна "Винни-Пух и все-все-все", и каждый из обитателей волшебного леса, включая Винни-Пуха, Пятачка и ослика Иа-Иа, получил свой психиатрический диагноз

Винни-Пух и Пятачок

(К.В.Заблоцкая, С.В.Лифарь "Постановка диагноза персонажам художественных произведений: историографический анализ проблемы").

Вот и мне кажется, что аритмиям, которыми я занимаюсь всю жизнь, тесно в рамках медицины. Эта небольшая книга - попытка продемонстрировать то, что они стали частью культуры. Если Вы спросите меня, для чего все это написано, я честно отвечу: просто так! Интересно же!!

Так что же это, аритмии за рамками кардиологии? Как говорится, Вы будете смеяться, но "Аритмия" - это и детский театр пантомимы в Челябинске, и рэп-группа из Великого Новгорода, и шоу-балет, и литературный сборник молодых писателей Санкт-Петербурга, и коллекция модной одежды, и назва-

Валерий Искварин. «Аритмия».

ние многих поэтических сборников, и... и... и...

Перед Вами картина художника Валерия Искварина. Угадайте, как она называется? Правильно, "Аритмия".

**Фотоэтюд Альберта Кузнецова
«Аритмия».**

А это фотоэтюд Альберта Кузнецова с тем же названием.

Еще одна фоторабота, Серика Кульмешкенова. Название, как Вы понимаете, то же.

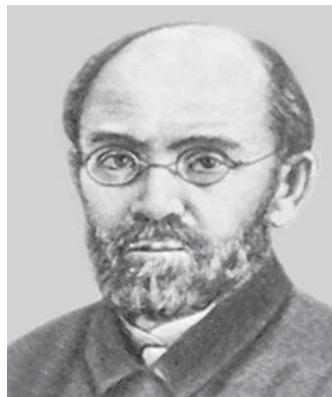

**Фоторабота Серика
Кульмешкенова «Аритмия».**

Во всех этих работах можно почувствовать некую тревогу, незавершенность, изломанность, нарушение гармонии, для которых авторы нашли наиболее емкое название.

Аритмии повлияли на жизнь многих людей, порой самым существенным образом, нередко - фатально.

Среди них есть писатели и поэты, музыканты и художники... Поэтому нарушения ритма сердца часто становились объектом их творчества. Читать (смотреть, слушать), как ярко описывают талантливые люди свои ощущения - чрезвычайно интересно. Однако, думаю, это еще и очень важно. Хороший врач отличается от плохого в немалой степени способностью к сопереживанию, он должен "влезть в шкуру" больного. По-моему, Григорий Антонович Захарьин, личность противоречивая, но врач блестя-

Григорий Антонович Захарьин

ций, говорил: "Сколько бы вы, милостивые государи, ни выслушивали, ни выстукивали, вы никогда не сможете безошибочно определить болезнь, если не прислушиваетесь к показаниям самого больного".

Но эти показания необходимо еще и правильно интерпретировать. К сожалению, далеко не все из пациентов спо-

способны внятно рассказать о том, что их беспокоит. С другой стороны, врачи могут испытывать существенные трудности при оценке жалоб больных, потому что, слава Богу, сами не испытывали подобных ощущений. Что же, круг замкнулся? Для того, чтобы его разомкнуть, попробуем "одолжить" краски и эмоции у тех, кто, собственно, и должен их донести до читателя, зрителя, слушателя.

Ну вот, например: каждый день ко мне на прием приходят больные с жалобами на то, что у них "скачет сердце". При этом далеко не все, но многие способны с чем-либо сравнить свои ощущения. Некоторое время я записывал эти сравнения. Они были довольно однообразны, как правило, банальны и лишь изредка любопытны. Вот что у меня получилось. Итак, сердце могло

скакать, как: -олень; -лань; -конь; -кошка; -лягушка; -бешеное; -сумасшедшее; -бешеный заяц; -овечий хвост; -загнанный зверь; -испуганный тушкан; -кролик в брачном периоде; -по углям босиком; -целлулоидный мячик по столу для настольного тенниса; -вырвавшийся из рук шланг с водой; -взбесившийся метроном; -на резинке.

А теперь почитаем Иосифа Бродского, который был знаком с сердечными проблемами, как Вы знаете, не понаслышке: три инфаркта, две операции на сердце.

*"Сердце скачет, как белка, в хворосте
ребер. И гордо поет о возрасте.
Это - уже старение".*

Теперь Вы не только знаете, Вы чувствуете, что такое аритмия.

Еще один пример: послушайте, как имитирует биение сердца в своем стихотворении "Сегодня дурной день" Осип Эмильевич Мандельштам.

*"О, маятник души строг -
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам".*

Согласитесь, вполне можно обойтись без фонендоскопа.

Конечно, самым частым нарушением ритма сердца является экстрасистолия. Мы хорошо знаем, что основными жалобами пациентов являются перебои, ощущение паузы, замирания, остановки сердца. Об этом писали многие известные люди.

У Льва Николаевича Толстого экстрасистолия впервые появилась в конце 1901 г. в Ялте.

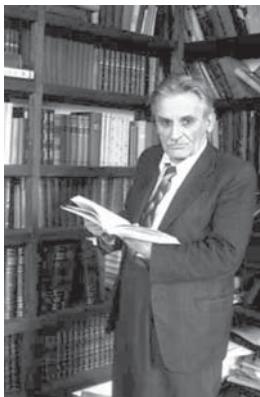
И.А.Бродский

О.Э.Мандельштам

Л.Н.Толстой

Ю.К.Олеша

Ему был предписан постельный режим, назначены антиаритмические средства. О своих ощущениях он говорил: "Сердце как будто останавливается, замирает". Чаще всего перебои (а также приступы сердцебиения) провоцировались у него стрессовыми ситуациями (что уж скрывать, ссорами с Софьей Андреевной!). В качестве лечения Льву Николаевичу назначались сердечные гликозиды.

Из дневника Юрия Карловича Олеша: "Перебои сердца. Очень тревожат, мешают работать, утомляют. Как хочется отделаться от них".

Антон Павлович Чехов писал своей доброй знакомой Лидии Стахивне (Лике) Мизиновой в 1894 г.: "Я до такой степени измочалился постоянными мыслями об обязательной, неизбежной работе, что вот уже неделя, как меня бе-

зостановочно мучат перебои сердца. Отвратительное ощущение".

Портрет А.П.Чехова, который Вы видите, написан его другом, И.И.Левитаном, которому, кстати, принадлежит столь популярная нынче фраза: "Сердце можно лечить только сердцем". Это цитата из письма Левитана Чехову.

Итак, экстрасистолия действительно часто бывает мучительной, изматывающей. Такой она была у Эрнеста Хемингуэя, Поля Гогена.

Здоровье Поля Гогена окончательно пришло в расстройство на Таити, куда он уехал после известной ссоры с Винсентом Ван Гогом, закончившейся тем, что Ван Гог отрезал себе ухо. История жизни гениального голландца тоже представляет интерес в контексте нашего рассказа об аритмиях.

Как известно, Ван Гог страдал припадками, происхождение которых до сих

А.П.Чехов

Винсент Ван Гог.
«Автопортрет».

пор вызывает споры: они, в числе прочих симптомов заболевания, могли быть следствием шизофрении или маниакально-депрессивного психоза. Но само понятие маниакально-депрессивного психоза появилось лишь в 1889 г., шизофрении - в 1911 г., то есть примерно тогда, когда художника уже не стало: он застрелился в 1890 г. А лечили Ван Гога от эпилепсии! В число основных средств лечения этого заболевания в XIX веке входили сердечные гликозиды, препараты дигиталиса, которые назначались обычно в больших дозах. Они действительно помогали некоторым больным. Сейчас можно предположить, что среди них были пациенты с приступами мерцательной аритмии, сопровождающимися потерей сознания. Именно у них и могли быть эффективны препараты дигиталиса.

Получал сердечные гликозиды и Ван Гог. Считается весьма вероятным, что приверженность художника к желтым тонам являлась следствием передозировки сердечных гликозидов, ведущей, в частности, к ксантопсии (видению предметов в желтом цвете). Ведь на его ранних картинах голландского периода желтых оттенков совсем мало. Зато в более поздних работах, написанных во Франции, они совершенно очевидно преобладают. Посмотрите, к примеру, на его картину "Подсолнухи"!

Символичной выглядит веточка наперстянки на одной из последних картин Ван Гога, написанной за 2 недели до самоубийства, "Портрет доктора Гаше". Кстати, художник написал два портрета Поля Гаше, своего лечащего врача и друга, несколько отличающихся композиционно, но наперстянка присутствует на обоих.

Один из них - перед Вами, второй украсил обложку этой книги. Есть, кстати, и третий портрет, на котором Поль Гаше изображен с курительной трубкой.

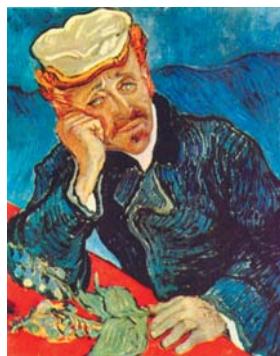
Итак, мы видим, что упоминания об ритмиях можно найти далеко за рамками медицинской литературы. Может быть, особенно часто - в стихах. Причина этому совершенно очевидна. Как часто ритмии являются следствием эмоций!

Но эмоция, по определению британского поэта, нобелевского лауреата Томаса Стернза Элиота - это первоначальный материал поэзии. Еще одно полезное для нас определение, принадлежащее другому английскому поэту Вильяму Вордсворду: поэзия - эмоция, припоминаемая в покое.

Поэтому многие поэты упоминают о перебоях для того, чтобы создать соот-

Винсент Ван Гог.
«Подсолнухи».

Винсент Ван Гог.
«Портрет доктора Гаше».

ветствующий эмоциональный фон, душевный настрой. Иногда это ни к чему не обязывающие строчки. Так, например, в одной из песен Александра Дольского:

*"Все в порядке, все нормально,
Если в сердце перебои".*

Или в песне Валерия Миляева "Весеннее танго", которую исполняют Сергей и Татьяна Никитины:

*"Сколько сердце валидолом ни лечи -
Все равно сплошные перебои".*

Даже обидно: совершенно несерьезное отношение к аритмиям. Но порой, как в одном из стихотворений Юлии Друниной, перебои свидетельствуют о необычайном душевном волнении:

*"Молчу, перчатки тебе,
Смирью сердца перебои:
Мне отрываться от тебя -
Как от земли во время боя"*

Вот еще один яркий пример, в котором душевное состояние автора передается именно с помощью упоминания о перебоях. Это стихотворение Валерия Лукина.

*"Сердце врет,
в синкопическом ритме
запутавшись с первого такта,
пропускает удары,
боится пустого движенья,
словно в старом авто
на ухабах колымского тракта
в сиром теле душонка
трясется
вцепившись в сиденье.*

*Приполярная ночь коротка
и сера как бумага.
Кортаю ее,
собирая последние силы.
Непонятно однако
куда привезет колымага:
то ли к старому прищску,
то ли к случайной могиле..."*

Ю.В.Друнина

Для Зинаиды Николаевны Гиппиус экстрасистолы, скорее, предмет исследования.

В 1905 г. она посвятила своим ощущениям целое стихотворение, которое так и назвала: "Перебой". Послушайте, как ритмически точно передано в нем ощущение автора. Трудно найти более яркий пример, рассказывая об экстрасистолии или приступах сердцебиения.

З.Н.Гиппиус

*"Если сердце вдруг
останавливается...
на душе беспокойно и весело...
Точно сердце с кем-то
улавливается...
А жизнь свой лик занавесила...
Но вдруг -
Нет свершенья, новый круг
Сердце тронуло порог,
Перешло - и вновь толчок,
И стучит, стучит спеша,
И опять болит душа,
И опять над ней закон
Чисел, сроков и времен,
Кровь бежит, темно звеня,
Нету ночи, нету дня,
Трепет, ропот, торопь, стук,
И вдруг -
Сердце опять
останавливается...".*

В том же 1905 г. поэтесса вновь использует мотив экстрасистолии для того, чтобы добавить яркий эмоциональный штрих в стихотворение "Узел".

*"Сожму я в узел нить
Меж сердцем и сознанием.
Хочу разъединить
Себя с моим страданьем.
И будет кровь не течь -
Ползти, сквозь узел, глухо.
И будет сердца речь
Невнятною для духа.
Пусть теплое, стучит
И бьется, спотыкаясь.
Свободный дух молчит,
Молчит, не откликаясь.
Храню его полет
От всех путей страданья.
Он дан мне - для высот
И счастья созерцанья.*

*Узлом себя делю,
Преградой размыкаю.
И если полюблю -
Про это не узнаю.
Покой и тишь во мне.
Я волей круг мой сузил.
Но плачу я во сне,
Когда слабеет узел..."*

А вот еще одно очень любопытное стихотворение: на этот раз - современного поэта, Юрия Беридзе. Ощущение перебоев очень тонко передано изменением размера в последней строке.

*"Не нравятся мои кардиограммы?
Какие это, право, пустяки...
В оконные заглядывают рамы
Алмазы звезд. А может, медяки...
Неважно, доктор. Смотрят же -
и ладно,*

*И нас зовут. Давайте же рискнем
И в вечер, по-осеннему прохладный,
Уйдем вдвоем - и растворимся в нем.
А перебои в сердце - разве диво...
Ну, вам ли, доктор, этого не знать?
Вы так ошеломительно красивы,
Что был бы каменным -
и то б не устоять..."*

Однако не только поэты пишут о перебоях в сердце. Осенью 1912 г. Марсель Пруст закончил роман, выросший из материалов к неоконченному произведению "Против Сент-Бева" и носивший название "Перебои сердца". В романе было 2 части: "Утраченное время" и "Обретённое время". А много лет спустя великий балетмейстер Ролан Пети, прочтя за одну гамбургскую зиму полное собрание сочинений Пруста и узнав из его автобиографии о том, какой музыкой он

интересовался, создал один из самых известных современных балетов: "Пруст, или перебои сердца".

Думаю, что коллеги, которые меня хорошо знают, страшно удивились бы, если бы узнали, что, рассказывая об аритмиях, я ни разу не нашел повода для шутки. Не могу обмануть их ожиданий. Образчик иронического отношения к экстрастиололам можно найти у Ильи Ильфа и Евгения Петрова в известном романе "12 стульев". Помните главу про голубого воришку Альхена, завхоза 2-го дома Старсобеса? Там описан обед в столовой, увешанной разнообразными лозунгами.

"Хуже всех приходилось старухе Кокушкиной, которая сидела против большого, хорошо иллюстрированного акварелью чертежа коровы. Чертеж этот был пожертвован ОННОБом - Обществом

новой научной организации быта. Симпатичная корова, глядевшая с чертежа одним темным испанским глазом, была искусно разделена на части и походила на генеральный план нового кооперативного дома, с тою только разницей, что те места, которые на плане дома были обозначены уборными, кухнями, коридорами и черными лестницами, на плане коровы фигурировали под названиями: филе, ссек, край, 1-й сорт, 2-й, 3-й и 4-й. Кокушкина ела свою кашу, не поднимая головы. Поразительная корова вызывала у нее слюнотечение и перебои сердца".

Однажды мне удалось обнаружить совершенно нестандартное упоминание об аритмии. Вот послушайте:

"При появлении каких-либо перебоев в работе немедленно отойдите в сторону и дождитесь полной остановки".

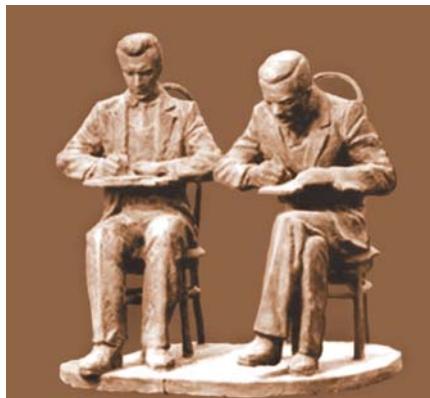
Кардиореаниматологи могут не напрягаться: это выдержка из Инструкции по технике безопасности при работе на круглопильном (циркулярном) станке.

Упоминание об аритмиях можно найти даже в народном творчестве. Из анекдота:

- Больной, у вас перебои в сердце. Вы пьете?

- Пью, доктор, но перебои не от этого. Я пью бесперебойно...

Ах, если бы перебои в работе сердца всегда были так безобидны! Кардиологам хорошо известно, какими пугающими могут быть эти ощущения даже у людей с совершенно безобидной экстрасистолой. Нередко она сопровождается страхом смерти. Именно такой она описана у Фазиля Искандера в его романе "Стоянка человека. Сердце". Повествование ведется от лица сравнительно

И.А.Ильф, Е.П.Петров

Ф.А.Искандер

молодого, физически крепкого человека, пережившего немало испытаний в своей жизни.

"Виктор Максимович довел партию до победного конца, я не настаивал на возобновлении игры, и он, откинувшись на стуле, вознаграждал меня таким рассказом:

...Настоящий, всепоглощающий страх я испытал не на фронте, не в тюрьме, а здесь, в мирной жизни...

...Однажды вхожу в море и плыву. Отплыв от берега метров на пятнадцать-двадцать, вдруг чувствую: сердце делает какой-то сдвоенный удар и останавливается. Может, на две-три секунды - не знаю. Но ощущение очень неприятное. Тут я вспомнил, что накануне выпил, и решил, что дело в этом. Никогда раньше я не знал никаких сердечных явлений, это было впервые. Я снова поплыл. И

вдруг опять сдвоенный удар и ощущение, что сердце остановилось и я сейчас захлебнусь. Боясь потревожить его, я осторожно поплыл к берегу.

Утром на следующий день лезу в воду, прислушиваясь к работе своего сердца. Вроде все в порядке. Да, думаю, возраст дает о себе знать, и уже сердце после выпивки начинает барахлить. Только я это подумал - и снова повторение вчерашнего. Я страшно разозлился на свое сердце и решил, ни на что не обращая внимания, плыть и плыть. И снова то же самое. Я плыву. И опять то же самое! И тут я не выдержал. Главное, ощущение такое, что сердце только случайно остановилось на эти две-три секунды, а может остановиться и на больший срок. И тогда конец.

И все-таки я не так быстро сдался. Я обратил внимание, что эти перебои в сер-

дце настигают меня, когда я отплыву от берега уже метров на двадцать - тридцать. Может, это какой-то неосознанный страх глубины? Я нарочно выхожу в море на лодке, прыгаю за борт, плаваю, чтобы преодолеть страх глубины, если это именно он. Но и там меня каждый раз настигает это странное явление. Последний раз я с трудом влез в лодку, так меня напугали эти перебои и остановки сердца.

Одним словом, иду к врачу. Терапевт выслушивает меня, отправляет на электрокардиограмму и в конце концов говорит мне: - Сердце у вас, как у двадцатилетнего юноши. Я ничего не понимаю, вам надо обратиться к психиатру".

Именно этот пример я чаще всего привожу в лекциях, когда рассказываю коллегам об экстрасистолии, может быть, вполне безобидной, в данном слу-

чае, вероятнее всего, вагозависимой (связанной с преобладанием тонуса парасимпатической нервной системы), не требующей лечения антиаритмическими препаратами, но субъективно переносящейся чрезвычайно плохо. Таким пациентам необходимо рассказывать о том, что экстрасистолы есть практически у всех людей, но одни из них ощущают их, а другие нет. Строго говоря, мы должны договориться с больным о том, что лечить необходимо не столько экстрасистолию, сколько его субъективные ощущения. Очень многие больные почувствуют себя лучше сразу после того, как мы им объясним, что их аритмия не опасна для жизни. В этом контексте весьма забавной выглядит последняя приведенная фраза: "Я ничего не понимаю, вам надо обратиться к психиатру". Психиатр здесь, конечно, ни при чем, но навыками

Ю.М.Поляков

А.И.Куприн

психотерапевта врач-кардиолог обладать обязан.

Вот еще одно яркое описание "страшной" экстрасистолии из романа Юрия Полякова "Замыслил я побег...".

"И вдруг башмаковское сердце сделало странную мягкую паузу. Возникло какое-то болезненное недоумение, словно за стенкой много лет крутили одну и ту же, ставшую неотъемлемо привычной пластинку и внезапно выключили проигрыватель. Недоумение сменилось ощущением знобящей беспомощности, а затем - ужасом. Сердце, конечно, возобновилось, но страх не отпускал.

- Ты чего? - забеспокоился Анатолич.

- Мне плохо, - прошептал Башмаков, нашаривая под рубашкой сердце и чувствуя, как пригоршня наполняется холодным потом.

Пока ждали "скорую", вызванную Анатоличем, сердце еще несколько раз спотыкалось, и холодный сумрак опускался на Башмакова, покрывая тело ледяными каплями пота. Олег Трудович сидел прямо на снегу, привалившись спиной к колесу бесхозных "Жигулей", и ожидал смерти".

Впрочем, несмотря на остроту ощущений, у персонажей Ф.Искандера и Ю.Полякова все заканчивается хорошо. А вот в известном рассказе Александра Ивановича Куприна "В цирке" финал трагичен.

Рассказ начинается с того, что доктор осматривает циркового борца, которому предстоит поединок с его соперником-американцем. Борец жалуется на усталость, тяжесть в голове, плохой сон.

"Опасного, дружок, я у вас ничего не нахожу, хотя эти перебои сердца и

кровотечение из носа можно, пожалуй, считать деликатными предостережениями с того света. Видите ли, у вас есть некоторая склонность к гипертрофии сердца. Гипертрофия сердца - это, как бы вам сказать, это такая болезнь, которой подвержены все люди, занимающиеся усиленной мускульной работой: кузнецы, матросы, гимнасты и так далее. Стенки сердца у них от постоянного и чрезмерного напряжения необыкновенно расширяются, и получается то, что мы в медицине называем "cor bovinum", то есть бычачье сердце. Такое сердце в один прекрасный день отказывается работать, с ним делается паралич, и тогда - баста, представление окончено".

Перед поединком, на который борец все же вынужден был решиться, несмотря на протесты доктора, он решил поспать.

"Было уже совсем темно, когда Арбузов вдруг вскочил и сел на кровати, охваченный чувством дикого ужаса и нестерпимой физической тоски, которая началась от сердца, переставшего биться, наполняла всю грудь, подымалась до горла и сжимала его. Легким не хватало воздуха, что-то изнутри мешало ему войти. Арбузов судорожно раскрывал рот, стараясь вздохнуть, но не умел, не мог этого сделать и задыхался. Эти страшные ощущения продолжались всего три-четыре секунды, но атлету казалось, что припадок начался много лет тому назад и что он успел состариться за это время. "Смерть идет!" - мелькнуло у него в голове, но в тот же момент чья-то невидимая рука тронула остановившееся сердце, как трогают остановившийся маятник, и оно, сделав бешеный толчок, готовый разбить грудь, забилось пугливо, жадно и бестолково".

А вот как заканчивается рассказ А.И.Куприна "В цирке":

"Внезапно, вместе с чувством тоски и потери дыхания, им овладели тошнота и слабость. Все позеленело в его глазах, потом стало темнеть и проваливаться в глубокую черную пропасть. В его мозгу резким, высоким звуком - точно там лопнула тонкая струна - кто-то явственно и резко крикнул: бу-ме-ранг! Потом все исчезло: и мысль, и сознание, и боль, и тоска. И это случилось так же просто и быстро, как если бы кто дунул на свечу, горевшую в темной комнате, и погасил ее..."

Трудно представить себе, что такое выпуклое описание - целиком "из головы". Действительно, Александр Иванович Куприн, который в этом рассказе хотел описать "разрыв сердца", по медицинским вопросам советовался с доктором А.П.Чеховым, на даче у которого в

Ялте он гостил, когда писал рассказ в 1902 г. Мы уже знаем, что Антон Павлович располагал о нарушениях ритма сердца самой достоверной информацией. Известно также, что и Чехов, и Куприн страстно любили цирк, а борца Арбузова Куприн "писал с натуры", они были знакомы. Получилось ли у Куприна "как в жизни"? Судите сами.

Из московских газет 9 сентября (27 августа) 1905 г.:

"Крестьяне Иван Семенов и Тихон Ипполитов, оба 20 лет, стали бороться между собой, причем во время борьбы Семенов упал и тут же умер".

Куприн в своем рассказе описывает не только перебои в работе сердца, но и сердцебиение, еще одну частую жалобу наших пациентов. Но нам ли не знать, что чаще всего сердцебиение - это синусовая тахикардия, обусловленная высо-

ким тонусом симпатической нервной системы. Обычно причиной сердцебиения являются душевное волнение, эмоции. Свое душевное волнение, свои эмоции, свое биение сердца хотят донести до нас писатели и поэты, художники и композиторы... Поэтому "Сердцебиение" - название сборника прозы Леонида Андреева, романа Кэндзи Маруяма, сборников стихов Михаила Луконина и Леонида Шкавро, многих музыкальных композиций...

Итак, очевидно, что сердцебиение - это далеко не всегда патология, во всяком случае - далеко не всегда кардиологическая патология. Вот что написано об этом, к примеру, в разделе "Неврастения" энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и Н.А.Ефрона.

"К частым симптомам неврастении принадлежат расстройства иннервации

сердца и вообще сосудодвигательной системы. Преобладает ускорение деятельности сердца, с жалобами на сердцебиение и неприятные ощущения в области сердца - какое-то беспокойство, напряжение, иногда и боль. Кроме того, бывают приступы сильнейшего сердцебиения с резким падением пульса, приливом к голове, предсердечной тоской и страхом. Такие приступы нередко появляются ночью, без всякой видимой причины и производят тяжелое впечатление на больных и на окружающих".

Это было написано более 100 лет назад. Теперь-то мы знаем о симпато-адреналовых кризах, о панических атаках. Грамотный кардиолог сразу поймет, о какой проблеме идет речь, если к нему обратится за помощью женщина с жалобами на ночные приступы сердцебиения,

от которых она просыпается в страхе. Предлагаю Вашему вниманию одно из ярких описаний таких приступов: Р.М.Фрумкина, повесть "Спасите наши души".

"Когда-то у меня был отличный сон. В десять лет я не слышала ночной сирены, оповещавшей о начале бомбежки. В двадцать - в разгар сессии засыпала на полчаса в душной читалке математического факультета МГУ, положив голову на собственный локоть. В тридцать - спала в палатке, где мы в полусне поворачивались на другой бок по команде Игоря Мельчука, потому что палатка была на двоих, а нас было четверо. В тридцать пять я тяжело заболела и с тех пор была вынуждена спать со снотворным. Мне повезло: я годами принимала одно и то же весьма примитивное лекарство, и оно мне помогало: я спала нормальным фи-

зиологическим сном с обычными сновидениями. Однако лет через десять я стала многократно просыпаться среди ночи от приступов сильнейшего сердцебиения, как если бы меня кто-то тряс за плечо и кричал по меньшей мере "Пожар!". Мне давали сердечные, меняли снотворное - безрезультатно. По утрам я бывала совершенно измучена, и это тянулось довольно долго, пока ... мой друг ... не предложил мне попробовать некое малоизвестное (у нас) французское лекарство - для начала хотя бы половинку таблетки на ночь вместе с моим обычным снотворным. Зная непредсказуемость своего организма, я приняла четвертушку. Той ночью приступы сердцебиения меня не мучили, так что я выспалась. Но главное было не в этом. Из окна моей квартиры утром на меня смотрел совсем иной, чем накануне, мир. Все выглядело

свеже-промытым, краски - ярче, контуры - отчетливее, объемы - рельефнее. Но и в комнате тоже как будто что-то изменилось: я любила свою квартиру, но сейчас мне показался особенно удачным цвет занавесей, особенно изысканной - ваза "Галле", доставшаяся от мамы. Хлеб был свежим, кофе благоухал... И все же я осознавала, что внезапно одавившие меня радостью и новизной "впечатленья бытия" исходили извне. Точнее - от четвертушки маленькой розовой таблетки".

Это описание тем более достоверно, что автор даже представления не имеет о таких словах, как "панические атаки". Дарю этот отрывок фармацевтическим компаниям, выпускающим противотревожные препараты!

Конечно, не все сердцебиения так безобидны как те, которые присущи па-

ническим атакам. Одна из частых причин сердцебиения - фибрилляция предсердий. Считают, что приоритет ее описания принадлежит Уильяму Харвею, который в 1628 году наблюдал подобное нарушение ритма и решил дать ему такое название. Однако еще у древних наличие у пациента нерегулярного пульса расценивалось как проявление болезни. Весьма вероятно, что именно фибрилляцию предсердий имел в виду личный врач китайского императора Хуанг Ти Ней Чинг Су Вен, живший примерно за 2500 лет до нашей эры. В своем труде "Внутренняя медицина" он писал:

"...Когда пульс больного нерегулярный, слабый, едва ощутимый, то импульс жизни человека угасает".

Существуют и другие, весьма поэтичные названия этой аритмии, привычные

и малоизвестные: мерцательная аритмия, мерцание предсердий, буйство сердца. Знаменитый французский клиницист Жан Батист Буйо одним из первых дал весьма подробное описание мерцательной аритмии, образно назвав ее "delirium cordis" - бред сердца. Кстати, вот насмешка! Блестящий врач, впервые установивший связь между ревматизмом и поражением сердца, предложивший термин "эндокардит", действительный член французской Академии вошел в Историю совсем по другому поводу. Будучи человеком уже весьма пожилым, присутствуя на первой демонстрации в Академии фонографа Эдисона, он воскликнул: "Я не дам обмануть себя чревоушателю!" и именно этой фразой обессмертил свое имя.

Ну а, возвращаясь к теме "аритмии в искусстве", можно вспомнить о произ-

ведении известного петербургского композитора Игоря Друха под названием "Мерцательная аритмия" для флейты и фортепиано.

К сожалению, сердцебиение - это далеко не всегда синусовая тахикардия или даже фибрилляция предсердий. Самые опасные тахиаритмии - желудочковые. Именно они чаще всего являются причиной смерти наших пациентов. Причем практически всегда это внезапная смерть.

Одна из первых известных иллюстраций к этой теме - картина неизвестного художника XIV века.

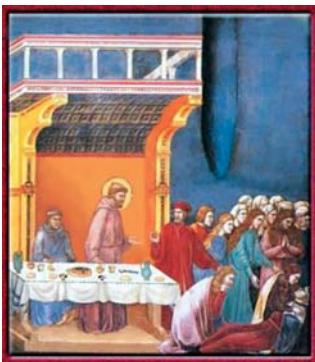
На ней изображен испанский вельможа, с которым после охоты на медведя случился сердечный приступ. К падающему господину со всех сторон бросаются слуги, но они бессильны: для помощи у них есть только кувшины с вином. В

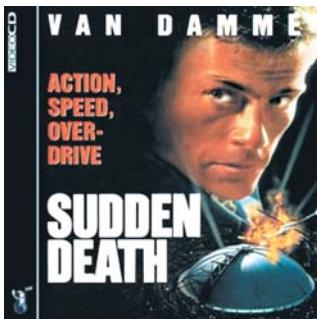
Картина неизвестного художника XIV века.

средние века при таких печальных обстоятельствах можно было надеяться только на чудо.

Такое чудо мы можем видеть на одной из прославленных фресок Джотто на левой стене Верхней церкви в Ассизи, относящейся к сценам из жизни свя-

Джотто. «Внезапная смерть дворянина из Челано».

Клод Ван Дамм в боевике «Внезапная смерть».

того Франциска и называющейся "Внезапная смерть дворянина из Челано".

На этой фреске, которая датируется концом XIII - началом XIV века, святой Франциск Ассизский оживляет умершего.

Но сейчас, в наше время, "внезапная смерть" - расхожая фраза, ее свели к ширпотребу. Так называют победный гол решающего футбольного матча, музыкальные композиции, да и художественные фильмы, как можно видеть на одной из иллюстраций.

Рассказывая о внезапной смерти, только ленивый в последнее время не приводит известную фразу Воланда из романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита":

"Да, человек смертен, но это было бы еще пол беды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус".

Однако вспомним: внезапная смерть - это, как правило, внезапно наступающая тахикардия - полиморфная желудочковая тахикардия, фибрилляция желудочков. Человек даже не успевает осознать, что произошло. В этой связи позволю предложить Вам цитату из романа "Кладбищенские истории" Б.Акунина (Г.Чхартишвили):

"У внезапной смерти узкие глаза, желтоватая кожа и косичка на макушке; она одета в латаное кимоно, в руке у нее бритвенно-острый меч из лучшей в мире стали. Нападает она без предупреждения. Вдруг ощущаешь холодок по спине - и в тот же миг на тебя обрушивается серия молниеносных кромсающих на куски ударов".

По-моему, очень похоже!

Иннокентию Анненскому, великому, хотя и не оцененному по достоинству до

М.А.Булгаков
«Мастер и Маргарита»

Борис Акунин
(Георгий Чхартишвили)
«Кладбищенские истории»

**Иннокентий Федорович
Анненский**

сих пор русскому поэту, которого считали своим учителем Н.Гумилев и А.Ахматова, фигуре трогательной и трагической, принадлежит такое определение внезапной смерти:

"Умереть внезапно - то же, что уйти из ресторана, не расплатившись".

Поэт, многие годы страдавший болезнью сердца, написал так потому, что не

искал для себя легкой смерти. Но умер внезапно, на ступенях Царскосельского вокзала, в 1909 г.

Внезапно умер еще один великий русский поэт, о котором мы уже вспоминали: Иосиф Бродский. Он отказался от трансплантации сердца, сказав, что поэт должен умереть с сердцем поэта. А за 13 лет до смерти он написал так:

*"...Но все ж строку я сладить смог,
Отрезать ломоть каравая...
Январский сатанинский смог.
Не сплю, хвораю, умираю.
И обморочное забытьё
Мне кровью заливают бельма.
Мигрень. И в сердце колотье.
И пляшут огоньки Сент-Эльма".*

Умер И.А.Бродский январской ночью 1996 г.

В этой жизни все связано. Тогда же, в январе 1996-го, внезапно умер еще один из моих любимых поэтов, Юрий Левитанский. Мало кто знает, что именно Иосиф Бродский (вместе с Владимиром Максимовым и Эрнстом Неизвестным) оплатил ему операцию на сердце и тем самым, возможно, подарил лет пять-шесть жизни. В память об этих замечательных поэтах - две последние иллюстрации этой книги: они символичны и связаны между собой. Первая из них - фотоэтиюд Walter Coenen "Осенняя аритмия", вторая - фоторабота Bernhard Albrecht "Внезапная смерть".

**Фотоэтиюд Walter Coenen
«Осенняя аритмия».**

**Фоторабота Bernhard Albrecht
«Внезапная смерть».**

От автора

Вот такая получилась небольшая книжка. Как Вы понимаете, на полноту изложения материала автор отнюдь не претендует. Все, что Вы только что прочитали и увидели - не более чем иллюстративный материал к лекциям по нарушениям ритма сердца, которые мне часто приходится читать. В этом контексте изложенное выше имеет сугубо прагматический смысл. Конечно, материал лекции должен быть изложен на достаточно высоком профессиональном уровне. Но для того, чтобы этот материал не был забыт мгновенно, кому-то из докторов необходим ассоциативный звуковой ряд, кому-то - зрительные образы... Не скрою, приятно, что мои лекции нравятся коллегам. Думаю, что в большой степени из-за того, что излагаю материал нескучно.

Ну, а поскольку в этой книжке я собрал почти все самое нескучное, она просто обязана стать более интересной, чем любая из лекций.

**Кафедра кардиологии
Санкт-Петербургской
государственной
медицинской академии
имени И.И.Мечникова**

**Северо-Западный центр
диагностики и лечения
аритмий**

Юрий Викторович Шубик
ИНОЙ ВЗГЛЯД НА АРИТМИИ

**Автор благодарит Александра Владимировича Крепака
за помощь в издании книги.**

Главный редактор
Редактор
Корректор
Компьютерная верстка *М. Г. Яковлева*

Подписано в печать 01.01.01
Формат 14,8x14,8, Гарнитура PetersburgС
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,25
Тираж